

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР: МИФ КАК МЕМ

*А. В. Проскурина*¹

¹ Новосибирский государственный технический университет
630073, Россия, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20
Поступила в редакцию 19.12.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7

Рассматривается межпоколенческая трансляция идеи мифа в рамках культурно-исторической дихотомии «коммуникация – передача», в частности, с позиции единицы культурного наследования (мем). Отмечается, что наиболее интересные для индивида мемы способны к передаче информации из поколения в поколение, тогда как наименее привлекательные мифы консервируются в стадии сиюминутной коммуникации и не способны далее реплицироваться в условиях разных поколений. Однако, как показано в работе, лингвокультурный трансфер негенетической информации во времени и пространстве никогда идеально не происходит, и в популяции репликаторов возникают мутированные варианты, отличающиеся друг от друга. Это способствовало возникновению большого количества вариативных религиозных течений, астрологических прогнозов, заговоров и т. п. Подчеркивается семиотическая система мифа, главной чертой которой является адресная направленность. Делается вывод, что живучесть мифов обусловлена именно лингвокультурным трансфером информации в условиях разных поколений, в силу психологической привлекательности мемов того или иного мифа для человека.

Ключевые слова: миф, лингвокультурный трансфер, коммуникация, передача, мем.

Испокон веков человечество овеяно мифами, передающимися из традиции в традицию, из поколения в поколение. Миф притягателен в силу своей понятности, а также лаконичности идеи или же пересказа основной сюжетной линии. Ролан Барт в своей работе «Мифологии» (Барт, 2008) понимает под мифом абсолютно все, что может быть включено в дискурс, поскольку миф – слово. Следовательно, именно лингвокультурный трансфер определяет существование мифа, а отсутствие такого трансфера – неминуемое его забвение.

Под лингвокультурным трансфером нами понимается перенос информации во времени, определяемый двояко: одномоментный перенос информации свойственен коммуникации, тогда как трансляция информации в диахронии является передачей. Как отмечает Режи Дебре (Дебре, 2010), коммуникация погружена в синхронные отношения, ее цель – скорость передаваемого сообщения, направленного на современную аудиторию. При коммуникации реализуются прагматические отношения, а период ее существования – современная эпоха. В контрасте с коммуникацией передача осуществляется между поколениями, ее

цель — вечность. Дихотомия «коммуникация — передача» взаимодействует с ранее предложенной Фердинандом де Соссюром дихотомией «синхрония — диахрония», так как только на основе связи «синхрония — коммуникация» возможно осуществление связи «диахрония — передача». Таким образом, дихотомия «диахрония — передача» базируется на основе дихотомии «синхрония — коммуникация».

Межпоколенческая трансляция любой идеи мифа может быть рассмотрена в рамках дихотомии, предложенной Режи Дебре, поскольку она представляет собой дихотомию особого порядка — культурно-историческую, связанную не со свойствами языка и его структурой, а с его функцией. Миф, согласно Р. Барту, — это особая система, создающаяся на основе уже ранее существовавшей семиотической цепочки; иными словами, миф является вторичной семиотической системой. «То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим» (Барт, 2008, с. 271). В качестве носителя некоей мифической идеи необязательно должно выступать письмо, им может служить и неписьменный дискурс: фотография, фильм, спектакль, реклама и т.п. «Миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует — он деформирует; его тактика — не правда и не ложь, а отклонение» (Барт, 2008, с. 289). Так, Эдмунд Лич приводит следующий пример, иллюстрирующий, что религиозные утверждения имеют смысл, относящийся к области метафизической реальности (вера), тогда как обычные логические утверждения характеризуются смыслом физической реальности (знание).

В нормальном английском словоупотреблении мы *не* говорим: «Я верю, что $3 \times 3 = 9$ ». Мы воспринимаем арифметическую формулу как простую логическую констатацию факта. Мы *знаем*, что это соответствует истине. Напротив, всегда, когда мы произносим религиозные постулаты, мы прибегаем к понятию веры. «Я *верю* в Бога-Отца...». Использование формулы «Я верю в...» приравнивается к предупреждению; это все равно что сказать: «К тому, что последует далее, правила обычной логики неприменимы (Лич, 2001, с. 86).

Как справедливо подмечено С.Г. Проскуриным (Проскурин, 2011, с. 252), понятие «религия» не синонимично понятию «вера», поскольку первое принадлежит метасистемному порядку наблюдателя. Так, предикат «я верую» символизирует ядерное значение как ценность, однако утверждение «я религиозен» возможно только по отношению к субъекту культуры с позиции внешнего наблюдателя. Перформативное утверждение «я верую» выражает принадлежность верующего человека к ценности культуры, тогда как констатив «я религиозен» не обладает семантической согласованностью с субъектом, поскольку привносится в культуру ее наблюдателем извне. Приведем цитату И.А. Тульпе относительно философской взаимосвязи мифа и религии:

Если исходить из того, что религия есть качественно иное относительно мифологии, то, следовательно, религиозная идея сверхъестественного не могла появиться в результате эволюционного выделения сверхъестествен-

ного из первоначального дораздельного единства мира. «Сверхъестественным» здесь был, по сути дела, характер связи всего со всем, имевший основание в голове, а не в реальности, но онтологизированный мифоритуальным сознанием. Естественный мир существовал по не/внеестественным законам, открытым человеком, бывшим частью и функцией этого мира. Законы существования мира, естественные (природные) для архаического человека, в действительности существовали в его сознании, и он сам «навязал» их миру. Тожество предмета и понятия о нем определяло нераздельность естественно/сверхъестественного (природно/культурного) мира мифологической модели. Представляется, что именно поэтому невозможна постепенность разотождествления. Однако невозможное в религии реализуется в пределах искусства. При этом сверхъестественное, ирреальное в искусстве и в религии отличны друг от друга в том, что в одном случае (искусство) эта ирреальность осознается как продукт воображения, в другом (религия) — выдается за действительно существующее (Тульпе, 2012, с. 120).

Следовательно, наиболее привлекательной идеей для человеческой психики, транслирующейся в поколениях, является жажда сохранения индивидуального «я» в вечности, а также мнимая поддержка, исходящая от сверхъестественных сил.

Безоговорочная, подчас истинно слепая вера в сверхъестественные силы была, есть и будет присуща человеку. Идея о наделении обычных повседневных вещей некой магической силой начинает транслироваться с самого раннего развития человеческого общества. Процесс передачи такой идеи из поколения в поколение не зависит от географического положения, этнической группы, культурных особенностей и других характеристик человеческих обществ, однако вариант оформления идеи, то есть смысловая нагрузка передаваемой информации, напрямую зависит и варьируется в зависимости от вышеперечисленных факторов. А результатом такой непрерывной передачи информации, касающейся различных верований, сегодня можно назвать вариативность религиозных культов, сект, табу, верований в черную и белую магию, гаданий, гороскопов, заговоров и т. д. Интересен своим парадоксом тот факт, что, несмотря на развитие технологий, открытия современных ученых, доказательную базу, разоблачающую «магов-целителей», искренняя человеческая вера в некие магические способности не перестает существовать. Так, в 2002 году в журнале *Mensa Magazine* было опубликовано исследование Пола Белла о связи религии и коэффициента умственных способностей, где отмечалось следующее:

С 1927 года было проведено 43 исследования соотношений между религиозностью и уровнем образования/ коэффициентом умственного развития; все, кроме четырех, выявили обратную зависимость. То есть чем выше умственное развитие или уровень образования человека, тем менее вероятно, что он окажется религиозным или будет придерживаться верований любого толка (Докинз, 2017, с. 130).

Чем же может быть обусловлена живучесть передаваемой из поколения в поколение информации? Ответ на этот вопрос кроется в тео-

рии мемов, предложенной в трудах выдающегося британского ученого-этолога Ричарда Докинза, который определяет мем как «единицу культурного наследования, гипотетический аналог единичного гена. Предположительно [мем] сохраняется естественным отбором в силу своего “фенотипического” влияния на собственную выживаемость и тиражирование в культурной среде» (Докинз, 2013, с. 512). Иными словами, это цепочка реплицирующихся единиц, способных быть переданными из поколения в поколение благодаря культурному трансферу. Набор мемов (в теории Докинза известный как «мемплекс») направлен на успешное выживание благодаря привлекательности для человеческой психики таких идей, как, например, бессмертие, отпущение грехов, наведение порчи на обидчика, снятие порчи, предсказание будущего и т. д. Следовательно, наиболее интересные для индивида мемы способны к передаче информации, тогда как наименее привлекательные консервируются в стадии сиюминутной коммуникации и не способны далее реплицироваться в условиях разных поколений.

Газетные полосы, интернет-страницы, уличные объявления пестрят всевозможными «рецептами счастья», астрологическими прогнозами, заговорами. Ролан Барт в своей работе «Мифологии» метко подметил назначение астрологии в наши дни: «астрология и Литература выполняют одну и ту же функцию институционализации реальности “задним числом”; астрология — это и *есть* Литература мелкобуржуазного мира» (Барт, 2008, с. 240). Интересны астрологические прогнозы с точки зрения семантики, а именно с точки зрения того, как один и тот же ежедневный прогноз может быть подходящим для всех знаков зодиака, даже для недавно принятого Змееносца. Приведем пример, взятый из первой страницы запроса в Google, из самого первого результата по запросу «Близнецы, прогноз на 26 ноября»:

Луна говорит, что враги Близнецов готовят против них коварный план. Вы должны быть крайне осторожны в своих высказываниях и действиях. Зато в работе вам нет равных, вы отдаете себя полностью труду и не остаетесь без вознаграждения.

Не складывается ли у читателя в этот момент впечатление, что не только против Близнецов готовят коварный план враги, что не только Близнецы умеют качественно работать? Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Аналогичная ситуация обстоит и с (современными) заговорами. На одном из сайтов, который также выдал Google на первой странице запроса «Заговор», привлекает внимание относительно «безобидная» рубрика «Заговор на удачу экзамена — злой преподаватель больше не помеха». Приведем один из предложенных заговоров на экзамен:

За Иисусом апостолы шли, Ученья свет его несли. Так и я, раб Божий (имя) на учебу пойду, удачу с собой поведу. Аминь.

Предполагается, что это заклинание способствует успешной сдаче экзаменов, но отметим, что без знаний по сдаваемым предметам успешно завершить сессию невозможно.

Примеры подобных современных заблуждений встречаются часто и повсеместно.

Привлекательность таких мифов, как было отмечено выше, благоприятствует их трансферу из поколения в поколение, однако безоговорочное следование неким сверхъестественным предписаниям точно направлено на передачу «знаний» от одной группы лиц к другой в силу своей научной недоказанности. Это обусловлено, в частности, тем, что если для одних людей всеобщая идея предсказаний, пророчеств и не доказанных наукой паранормальных явлений предстает неоспоримым свидетельством существования потустороннего мира, то для других подобные деяния магов, целителей и предсказателей — всего лишь мифы. Например, семиотик Барт пишет:

...Основополагающая черта мифического понятия — это его *адресность*: «грамматическая примерность» касается учащихся строго определенного класса, «французская имперскость» должна тронуть такую-то, а не иную категорию читателей; понятие точно соответствует функции, оно обладает строгой ориентированностью (Барт, 2008, с. 277).

Ролан Барт предпринял попытку объяснить причину веры человека в мифы (Барт, 2008). По его мнению, она кроется в том, что семиологическая система представляет собой систему личных ценностей, значение которой индивид принимает за систему безоговорочных фактов, следовательно, в сознании человека миф предстает в качестве фактической системы, тогда как на деле он является всего лишь семиологической системой.

Подведем итог, ссылаясь на работу Ричарда Докинза «Бог как иллюзия» в подтверждение того, что следование тем или иным идеям — сугубо личный выбор каждого индивида, напрямую зависящий от его образования, культурной среды и окружения, которые так или иначе обуславливают жизнь человека. Р. Докинз отмечает:

Во время моего интервью с Уотсоном в Клар я выразил мнение о том, что, в отличие от него и Крика, некоторые люди не признают существования конфликта между наукой и религией, потому что, по их мнению, наука объясняет, как мир работает, а религия — зачем он существует. Уотсон возразил: «Но я не думаю, что мы существуем зачем-то. Мы — продукт эволюции. Мне могут возразить: “Раз вы не видите перед собой цели, ваша жизнь, должно быть, довольна уныла”. Но у меня, как правило, есть цель, например сейчас — хорошо пообедать». Что нам и правда удалось сделать (Докинз, 2017, с. 126).

Таким образом, любой миф может быть рассмотрен сквозь призму коммуникации (перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы) и передачи (перенос информации во времени и пространстве между различными временными

сферами). При этом живучесть мифов обеспечивается именно лингвокультурным трансфером информации в условиях разных поколений, возможным благодаря привлекательности мемов того или иного мифа для человека.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2008.
Дебре Р. Введение в медиалогию / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 2010.
Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М., 2013.
Докинз Р. Бог как иллюзия / пер. с англ. Н. Смелковой. СПб., 2017.
Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. М., 2001.
Проскурин С. Г. Сетевые структуры в языке и культуре // Общество сетевых структур: моногр. / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. Новосибирск, 2011. С. 233–280.
Тульне И. А. Мифология. Искусство. Религия. СПб., 2012.

Об авторе

Анна Вячеславовна Проскурина, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, Россия.
E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

Для цитирования:

Проскурина А.В. Лингвокультурный трансфер: миф как мем // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 80–86. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7.

LINGVOCULTURAL TRANSFER: A MYTH AS A MEME

A. V. Proskurina ¹

¹Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa Ave., Novosibirsk, 630073, Russia
Submitted on December 19, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7

This author considers the intergenerational transmission of the idea of myth in the framework of the cultural-historical dichotomy "communication-transfer", examining it from the point of views of the unit of cultural inheritance (meme). The author notes that for an individual, the most interesting memes are capable of transmitting information from a tradition to a tradition, from a generation to a generation, whereas the least attractive myths exist at the moment of communication and are unlikely to be replicate by other generations. The authors hold that a linguocultural transfer of information in time and space is never ideal, and replicators create deviational variants of myths that somehow differ from each other. Such an imperfect process of intergenerational information transfer contributed to the emergence of a large number of variative religious trends, astrological forecasts and so on. The author describes the semiotic system of myth, the main feature of which is its targeted orientation. Such

a system of myth promotes the description of the impact of external phenomena on the inner world of man through far-fetched pseudo-historical legends. It is noteworthy that the idea of unconditional belief in supernatural forces remains relevant in the modern world, despite the evolutionary development of society. The vitality of myths, as shown in the work, results from the linguocultural transfer of information from one generation to another, due to the attractiveness of the memes of this or that myth for the human psyche.

Keywords: *myth, linguocultural transfer, communication, transfer, meme.*

References

- Barthes, R., 2008. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow (in Russ.).
- Debray, R., 2010. *Vvedenie v medialogiyu* [Introduction à la médiologie]. Moscow (in Russ.).
- Dakinz, R., 2013. *Rasshirennyi fenotip: dlinnaya ruka gena* [The extended phenotype. The long reach of the gene]. Moscow (in Russ.).
- Dakinz, R., 2017. *Bog kak illuzia* [The God delusion]. St. Petersburg (in Russ.).
- Leach, E., 2001. *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturalnogo analiza v sotsial'noi antropologii* [Culture and Communication: the logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology]. Moscow (in Russ.).
- Proskurin, S. G., 2011. Network structures in language and culture. *Obshchestvo setevykh struktur* [Social network structures]. Novosibirsk. pp. 233–280 (in Russ.).
- Tul'pe, I. A., 2012. *Mifologiya. Iskusstvo. Religiya* [Mythology. Art. Religion]. St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

To cite this article:

Proskurina A. V. Linguocultural transfer: a myth as a meme, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 80–86. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-7.